

СУДЬБЫ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА В ОЧЕРКАХ ВС. Н. ИВАНОВА

Пасевич Заряна Васильевна

к.ф.н., доцент кафедры русской филологии
ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный университет
Россия, г. Хабаровск

Аннотация: В статье анализируются очерки Вс. Н. Иванова об А. Блоке и Н. Гумилеве, поэтах Серебряного века, объединенных трагической судьбой. Отмечается умение публициста создавать психологический портрет героя, отражать внутреннюю мотивацию его поступков, философская глубина замысла и авторских суждений. Подчеркивается значимость композиционного приема противопоставления для отражения трагической несовместимости судьбы и идеалов Блока и Гумилева с реальностью и идеалами революции. Автор демонстрирует, что для создания образов поэтов Иванов обнаруживает те знаковые отрезки их жизненного пути, которые способствуют наиболее полному выявлению их характерных качеств.

Ключевые слова: литературная критика, Вс.Н. Иванов, дальневосточная эмиграция, поэты Серебряного века, очерк

THE FATE OF THE SILVER AGE POETS IN ESSAYS BY VS. N. IVANOV

Pasevich Zariana Vasilievna

PhD, Associate Professor of philology
Pacific National University, Russia, Khabarovsk

Abstract: The article analyzes the essays of N. N. Ivanov about A. Blok and N. Gumilyov, poets of the Silver Age, united by a tragic fate. The author notes the ability of the publicist to create a psychological portrait of the hero, to reflect the inner motivation of his actions, the philosophical depth of the idea and the author's judgments. The author emphasizes the importance of the compositional method of opposition to reflect the tragic incompatibility of the fate and ideals of Blok and Gumilev with the reality and ideals of the revolution. The author demonstrates that in order to create images of poets, Ivanov discovers those iconic segments of their life path that contribute to the most complete identification of their characteristic qualities.

Keywords: literary criticism, Vs. N. Ivanov, Far Eastern emigration, poets of the Silver Age, essay.

Литература дальневосточной эмиграции – сложное многогранное явление, несмотря на пристальный интерес к ней в течение последних двух десятилетий, во многих аспектах продолжает оставаться неизученной. Одним из таких аспектов является творчество писателей-эмигрантов, посвященное русской классической литературе.

Размышления о жизненном и творческом пути великих русских классиков, об их произведениях явилось тем объединяющим началом, которое соединило поэтов и писателей разных взглядов и убеждений. Литература стала способом сохранения духовной связи с родиной, ведь воплощенные в ней духовно-нравственные ценности – это та сокровищница русской культуры, которую эмигранты хранили в своем сердце. Можно назвать много имен поэтов и писателей-эмигрантов, которые в своем творчестве создают образы русских классиков: Пушкина, Лермонтова, Толстого, Чехова и многих других, размышляют об их творчестве и судьбе. Произведения разнообразны по жанру: это стихотворение (А. Несмелое «Достоевский», М. Визи «Блоку», А. Ачаир «Тургенев» и др.), рассказ (А. Формаков «Лермонтов в Тарханах», Б. Юльский «Луна над Бештау»), повесть (Н. Резникова «Пушкин и Собаньская»), роман (Н. Резникова «Александр Блок»), литературно-критическая статья (В. Обухов «Гумилев и его школа», А. Несмелов

«Пушкин и Россия»), очерк (Вс. Н. Иванов «Обломов, Корчагин и Гете»). В русской литературе писатели-эмигранты находили не только эстетическую, но и нравственную опору, утоляли духовную жажду.

Вс. Н. Иванов – поэт, прозаик, публицист, эмигрантский период творчества которого составил двадцать пять лет. Размышления Всеволода Никаноровича о русских поэтах и писателях воплотились в разных жанрах: в жанре очерка («Последнее странствование Толстого», «Две борьбы за вишневый сад»), исторического повествования («Пушкин и его время»), стихов («Литературная любовь»). Размышления о русской литературе нашли отражение в записных книжках Всеволода Никаноровича за 1954–1962 гг., где есть заметки о Пушкине, Чехове, Блоке, Достоевском.

Целью данной статьи является анализ художественного своеобразия очерков Вс. Н. Иванова, посвященных А. Блоку и Н. Гумилеву.

Двойная смерть августа 1921 года двух великих русских поэтов Александра Блока и Николая Гумилева произвела на современников неизгладимое впечатление. В эмиграции этот трагический уход был воспринят как символ конца одной из самых значительных страниц в развитии русской литературы. Вс. Н. Иванов в очерках «Расстрелян Н. Гумилев» и «А. Блок» размышляет о поэтах, трагизм судьбы которых связан с драматическими событиями в России первой половины XX века.

Очерк, посвященный Гумилеву, возник как непосредственный отклик на убийство поэта, и был опубликован в воскресном литературно-художественном приложении к владивостокской газете «Русский край» [1].

Иванов открывает очерк эпиграфом из поэмы Г. Маслова «Кольцо» [2].

Одно понять – права лишь сила –

Так не права в кольце стальном

Хихикающая горилла

За председательским столом... [1, с. 2].

Уже эпиграф не только заявляет нам тему произведения, но и несет в себе негативную оценку, выражает непримиримое отношение Иванова к Советской России. Кто стоит во главе этой власти? Не человек. Горилла – существо, не наделенное разумом. Подмена председателя гориллой позволяет емко выразить не только убеждения, но и чувство переполняющего негодования. Позднее, в 1925 году, М. Булгаков в «Собачем сердце» в образе Шарикова показал последствия подобных экспериментов.

В самом начале очерка Иванов выдвигает тезис – основную идею: «Советскую власть можно поздравить с новым серьезным завоеванием. Еще меньше одним пленительным человеком на русской земле» [1, с. 2]. В этих словах явственно слышна горькая ирония автора, и даже сарказм, возникающий за счет использования публицистического штампа «достижения и завоевания советской власти», которым часто пользовалась советская пресса. В описании сторонников новой власти Иванов использует эмоционально-окрашенную, сниженную лексику: «хамы с низкими лбами», «социалистические гориллы».

Противопоставляя Гумилева приверженцам советской власти, писатель выделяет в качестве основного критерия – мировосприятие. Гумилев для Иванова – «певец жизни вечной», социалисты – «творцы новой жизни». Возникают антонимические пары: *вечная жизнь – новая жизнь, певец – творцы*, которые указывают на разное понимание жизни, ее смысла: созерцательное отношение к жизни, принятие ее самоценности и переделка жизни на новых основаниях, отказ от традиций прошлого. Созерцательное отношение к жизни Гумилева, по мнению автора, позволяет поэту видеть жизнь, «такой, какова она есть на самом деле» [1, с. 2].

Авторскую мысль «о противостоянии Гумилев – Советская Россия» подтверждает приведенный им отрывок из стихотворения И. Гумилева:

Я вежлив с жизнью современною,

Но между нами есть преграда:

Все, что смешит ее, надменную,
Моя единая отрада... [3, с. 193].

Процитированные строки Н. Гумилева близки по смыслу эпиграфу очерка: «*хихикающая* горилла (курсив мой – З.В.)» – «...*Все, что смешит ее* надменную / Моя единая отрада (курсив мой – З.В.)». В первом и во втором случае мы слышим смех. Ценности вечные, без которых невозможна жизнь поэта, обесцениваются, нынешней власти они не нужны. К чему? – «права лишь сила».

Всеволод Никанорович не превратил свое произведение в размышления о советской власти, хотя в период его написания это и было злободневно. Рассуждая о ней только в начале и конце очерка, Иванов прочерчивает контрастирующий фон, на котором явно видна обреченность поэта, не способного вписаться в этот «новый мир».

Иванов создает образ Гумилева через обращение к своеобразному художественному миру поэта. Сам Гумилев писал о поэзии: «Поэзия для человека – один из способов выражения своей личности, и проявляется при посредстве слова, единственного орудия, удовлетворяющего ее потребностям» [4, с. 358]. Из всего богатого поэтического наследия Иванов останавливается в очерке на стихотворениях: «Капитаны», «Я вежлив с жизнью современною...», «Искусство». Выбранные отрывки позволяют писателю расставить акценты в своем видении великого поэта.

Лишь однажды Иванов касается внешности Гумилева: «...маленький, некрасивый, с *асимметричным* лицом Гумилев искал в Абиссинии исполнения своих грез» [1, с. 2]. Отмечая внешнюю некрасивость, дисгармоничность Н. Гумилева, Всеволод Никанорович подчеркивает внутреннюю красоту, гармоничность поэта, устремленного к мечте. Его поэзия живет в воображаемом, почти призрачном мире. Гумилева не привлекает современность, он сам создает для себя страны и населяет их им самим сотворенными существами.

Иванов раскрывает причину увлечения Гумилева экзотикой, не соглашаясь с теми, кто видит в этом способ отстранения от жизни. Всеволод Никанорович находит иное объяснение: «он не отрывается от мира, как такового в экзотике ищет он только усугубления этого мира, который т. о., мог бы соответствовать его грезам» [1, с. 2]. С помощью цветowych эпитетов Иванов передает переливы красок той «роскоши мира», которая явлена поэту; «день переливается из опаловых, сине-зеленых, в алых пятнах утренних сумерек через золотой полдень.» [1, с. 2]. Следует отметить, что тяга к цветописанию характерна и для последующего творчества писателя, например, в книге «В гражданской войне: Из записок омского журналиста», «Огни в тумане».

Восприятие мира как разлитой в нем красоты роднит Иванова и Гумилева. Так, в начале 30-х годов эмигрантская критика писала об Иванове: «И быт, и природу он чувствует всей душой и потому умеет находить в них еще невиданные красоты» [5, с. 185].

Гумилев совершал путешествия не только в экзотические страны, но и в сферу духовности, для него слова «победа, слава, подвиг» наполнены глубоким смыслом:

Победа, слава, подвиг – бедные
Слова, неизвестные ныне,
В душе звучат, как трубы медные,
Как голос Господа в пустыне.. [3, с. 193].

Гумилев воплощает идеал Иванова свободной творческой личности. Муза подвигов, странствий, небывалых стран, притягательных девушек-мулаток, по мнению Иванова, помогала Гумилеву «жизнь, сплошную и одинаковую» прожить насыщенно, ощутить самоценность каждого явления жизни, его «материальную прелесть»:

Темнокожие мулатки
И гадают и поют.
И несется запах сладкий
От готовящихся блюд... [3, с. 118].

Поэзия Гумилева далека от политики, поэт не касается в ней вопросов общественной жизни России. Гражданственность, по мнению Иванова, Гумилев проявил в жизни. Поэт добровольно, имея «белый билет» на руках, отправился на фронт в самом начале Первой мировой войны. «И точно так же, как он охотился в Абиссинии на львов, он отправился на Русско-Германскую войну. Георгиевский кавалер-солдат, георгиевский кавалер-офицер, – он следил смерть с холодной любопытной улыбкой» [1, с. 3]. Как и в африканском пустыне, так и на войне Гумилев шел навстречу неизвестности, навстречу опасности. Его переживание войны было восторженным, подвиг радостным: он шел, «скандируя из Готье запечатленные радости жизни» [1, с. 3].

Поэзия Гумилева, его дух были таковы, что неминуемо обрекли его на гибель в новых условиях, сложившихся в стране «Конечно, он должен был умереть» [1, с. 3] – восклицает автор.

Название поэмы «Кольцо», взятое в качестве эпитафии Иванов обыгрывает композиционно, завершая произведение обращением к тому же образу: «И его убили социалистические гориллы» [1, с. 3]. Созданная таким образом композиция, замыкает круг и вновь возвращает нас к мысли, выраженной в эпитафии.

В своем очерке, Иванов, следуя закону жанра, лишь прочертил силуэт поэта, стремясь, прежде всего, непосредственно воздействовать на сердце читателя и на его воображение.

Если на смерть Гумилева Иванов откликнулся моментально в год убийства поэта, то к осмыслению судьбы А. Блока Вс. Н. Иванов обращается спустя десять лет, уже находясь в эмиграции.

Очерк Иванова, посвященный Блоку [6] написан так же, как и очерк о Гумилеве, по поводу смерти поэта. Но, несмотря на эту общность, произведения весьма различны по цели и тональности. В очерке «Гумилев» образ поэта дан сквозь призму еще не улегшихся эмоций автора. Желание противопоставить Гумилева Советской России заставляет Иванова сделать акценты на тех моментах творчества, которые явно свидетельствуют об этом. В очерке «А. Блок» временная дистанция позволила автору оставить позади первоначальные эмоции и поставила перед ним иную цель, осмыслить значение и роль поэта в судьбе России.

Иванов создает образ Блока-поэта, творца. И потому в начале очерка Всеволод Никанорович обращается не ко времени рождения человека-Блока, а ко времени рождения поэта, к началу 1900-х годов. Значимость этого события Иванов передает контрастом, бросающимся в глаза несоответствием масштабов: «в небольшой литературной компании, ...красивый, голубоглазый, похожий на молодого принца поэт *декламировал...* (курсив мой – З.В.)» [7, с. 9].

Характеризуя внешность Блока, Иванов акцентирует внимание только на глазах поэта, а именно на их цвете: голубой цвет – цвет неба, один из трех цветов, используемых при написании икон. Выбранная деталь внешности – свидетельство избранности Блока. Развивая тему избранности, Иванов представляет нам рождение Блока-поэта как особое событие в жизни России. Уже первое прочтенное Блоком стихотворение «Девушка пела в церковном хоре...» заставило всех ощутить неординарность его таланта: «Минута последовавшего затем молчания была весьма значительной.. » [6, с. 9], – пишет Иванов. Автор использует устойчивое сочетание высокого стиля «минута молчания», традиционно выражающее горесть об умерших, но обновляет его значение за счет «расщепления» фразеологизма лексическими распространителями «последовавшего», «затем». Авторское обновление фразеологизма не только освежает его образность, но и наполняет новым смыслом: в контексте очерка свидетельствует о признании особости таланта Блока. «В мир явился поэт Блок» [6, с. 9], – пишет Всеволод Никанорович. Задумаемся над тем, кто является в мир? Обычно так говорят о пророке, мессии. Так в подтексте фразы Иванова отчетливо звучит восприятие Блока, прежде всего как пророка судьбы России.

Кратко, но вместе с тем емко раскрывает Иванов свое понимание Блока-поэта, то

внутреннее содержание, которое он вкладывает в эти слова, следуя от общего к его составляющим: «В мир явился поэт Блок, поэт *божьей милости*, поэт русский, поэт-интеллигент (курсив мой – З.В.)» [6, с. 9]. Четырежды в рамках одного предложения Иванов использует слово «поэт». Использование повтора избыточно с точки зрения предметно-логической информации, но эта избыточность оправдана, так как придает экспрессивность высказыванию.

Следуя путем ассоциативного движения мысли, Иванов подтверждает верность определений («русский», «интеллигент»), данных Блоку: «Сын профессора Варшавского университета, он по матери был в родстве с московскими Соловьевыми (Вл. Соловьев)... и наконец, женитьбой на Любове Дмитриевне, он породнился с ее отцом, Дм. Ив. Менделеевым» [6, с. 9]. Создавая образ Блока, ключ к пониманию его «поэтического лица» Всеволод Никанорович видит в генеалогии, которая является историей отдельной личности. Родственные отношения, по мнению писателя, незримо связали Блока с тремя столицами – Варшавой, Москвой и Петербургом, каждая из которых обогатила его поэтический мир специфическим содержанием.

С Москвой Иванов связывает воплощение в стихах поэта подлинно-русской московской стихии, размышление об исторических судьбах страны, чуткое восприятие истории. Интересна формулировка Всеволода Никаноровича: «зоркое *воспоминание* поэта.. рисует исторически верную картину «Куликова поля» (курсив мой – З.В.)» [6, с. 9], ведь речь идет о событии 1378 года. Слово «воспоминание» отсылает нас к тому, как сам поэт толковал феномен памяти. Мотив памяти у Блока восходит к платоновским идеям «анамнезиса» и «вечного возвращения». Блок трактовал память как «прапамять», как возможность прорыва памяти человечества в личную память.

Отношение к истории является точкой соприкосновения Иванова и Блока. Блок снабдил цикл «На поле Куликовом» таким примечанием: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди» [7, с. 475]. История для Иванова, как и для Блока – ключ к пониманию настоящего и будущего: «Только зная прошлое, помня о нем, мы познаем, увидим, сделаем новое... Нам надо знать старое, чтобы увидеть новое, чтобы принять его...» [8, с. 114].

Если с Москвой Всеволод Никанорович связывает обращение к исторической теме, то с Варшавой – «чувствование католичества», которое отразилось в «Итальянских стихах» Блока:

С детских лет – видения и грезы!
Умбрии ласкающая мгла,
На огаде вспыхивают розы,
Тонкие поют колокола.. [7, с. 118].

Три выделенные Ивановым стихии не были равноценны в творчестве поэта: «Восточное спокойствие Москвы, ясность итальянского Запада, – все отступило на второй план перед вихревыми, гуманными, пророческими настроениями поэта» [7, с. 9]. Так как влияние Москвы и Варшавы на творчество Блока было несравнимо меньше влияния Петербурга, Всеволод Никанорович, лишь обозначив их роль, обращается рассмотрению заслонившей собой все петербургской стихии. Особую роль Петербурга Иванов подчеркнул уже тогда, когда выделил его как столицу наряду с Варшавой и Москвой.

До обращения к единству «Блок–Петербург» Иванов показывает Блока внешне, со стороны: мы узнаем о начале творческого пути, узнаем о темах его творчества и сущности его таланта. Но лишь с Петербургом в очерк прорывается внутренний мир поэта. Именно в этой части очерка Блок предстает как «поэт Божьей милости», обладающий пророческим даром.

Первоначально Иванов раскрывает внутреннее состояние поэта словами самого Блока, цитирует отрывок из записной книжки, где Блок набрасывает план автобиографической поэмы «Возмездие»: «...все сильнее в нем накапливалось волнение,

беспокойное и неопределенное... *в окружающей тревоге видел предвестие конца мира...*(курсив автора) Развертывался хаос... . Каждый «безумствовал»...». Атмосфера неблагоприятия эпохи показана Ивановым через отношение и восприятие поэта:

Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла,
Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла...[7, с. 305].

Всеволод Никанорович видит в Блоке воплощение стихийного начала русской натуры. Внутренние противоречия, чувство расколотости души человека, живущего в эпоху перемен создают у поэта «настроение мятежа, разрушения, анархии»:

И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к отчизне,
И черная земная кровь, –
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи.
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...[7, с. 306].

Приметы грядущих катастроф Блок видит в настоящем, в окружающей пошлости, где разрушаются незыблемые ценности, а «разгул» – лишь признак агонии мира неминуемо движущегося к разрушению. Повсюду поэт видит следы разложения: «Все, все – любовь, вино, разгул – смердит тонко, чуть заметно, но вместе с тем, совершенно явственно». Сочетанием несовместимых по смыслу глагола «смердеть» – испускать зловонье, удушливый запах, смрад и наречия «тонко» Иванов точно передает эмоциональное состояние поэта. Отвращение, с которым Блок смотрит на настоящее, его окружающее, Иванов называет ядовитым, потому что оно разрушает самого поэта, который «...ушел в ту сумасшедшую игру, в то неопределенно-бурное мирозерцание, которое смеялось над всем, полагая, что все понимает...» [6, с. 9].

Иванов показывает, как постепенно пророческий дар начинает приносить поэту невероятные страдания и духовное напряжение. Если ранее Блок лишь «пророчески чуял будущую разруху», то теперь «...он придавлен своими предчувствиями, томится от них. И даже война 1914 года ему словно предвестник приходящей катастрофы» [6, с. 9]. Иванов подтверждает свою мысль отрывком из стихотворения «Петроградское небо мutilось дождем...», которое осталось единственным непосредственным откликом поэта на военные события. В черновом наброске к этому стихотворению есть строка, не попавшая в окончательный текст: «Разве это последняя в мире война?» [7, с. 598]. Черновой набросок, не публиковавшийся при жизни поэта, скорее всего, не мог быть известен Иванову, но тем более значительна чуткость писателя в восприятии стихотворения.

Революция 1917 года явилась переломным моментом в жизни Блока, в жизни всей России: «Петербург вздыбился страшным взрывом революции – и рухнул» [6, с. 9]. С помощью аллитерации Иванов передает «звучание» той «музыки революции», которую призывал слушать Блок.

Внутренний переворот, вызванный революцией, находит выражение в облике поэта. Примечательно, что Иванов передает эти изменения не с помощью собственных определений, как в начале очерка: «красивый, голубоглазый, похожий на молодого принца поэт...» [6, с. 9], а отсылая нас к произведениям Блока, которые как сейсмограф, отразили изменения: «Вместо утонченного, изысканного облика поэта, мы видим образы «Двенадцати» и, наконец, – страшный лик «Скифов»:

... Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!» [6, с. 9].

Грубость, варварство, стихийность видит Иванов в Блоке, принявшем революцию. Революция, которой поэт отдал все свои силы, свою душу «...задавила его годами, кровью,

глухотой» [6, с. 9], но он остался ей верен до конца. «Все будет хорошо, – записывает Блок в 1918 г. в своей 49-й книжке. – Россия будет великой!.. Но как трудно ждать и как трудно дожидаться!..» Веру в революцию, в светлое будущее, которое она построит: «...он провидел за ней какие-то новые, светлые, примеренные дали» [6, с. 9] Иванов показывает как роковое заблуждение поэта, «кажимость». За десятилетие, прошедшее со дня смерти поэта, Всеволод Никанорович мог своими глазами увидеть, чем обернулось долгожданное «светлое будущее».

Иванов принимает творчество Блока именно дореволюционного периода, катастрофичность мироощущения, пронизывающая его стихи, предчувствие приближающейся гигантской национальной катастрофы близки и понятны писателю-эмигранту, пережившему годы национального бедствия, вызванного революцией и гражданской войной. Именно призвание быть пророком своей страны возвеличило Блока, сделало возможным, заявленное в эпитафии утверждение, «что поэзии имя Блок»: «Едва ли у кого из русских писателей столь явственно видна вся эволюция духовной жизни России перед революцией» [6, с. 9].

Повышенная чувствительность душевного склада, обостренное восприятие всего, что происходило в родной, любимой до боли России, надорвало поэта: «Блок не просто прожил, не просто просмотрел два страшных десятилетия XX века, – нет, он пережил, перечувствовал их...» [6, с. 9].

Символичным является то, что после нескольких лет творческого молчания Блок создает стихотворение, посвященное Пушкину, ставшее последним его творением. В этом поэтическом завещании Блока Иванов видит «... знак примиренности, верности старым русским традициям» [6, с. 10]. Революция не изменила духовно-нравственные приоритеты поэта.

И если Блок не был убит большевиками непосредственно, как Гумилев, то был поставлен в такие тягостные условия, которые ускорили его безвременную смерть. Блок ушел из жизни разочарованным. Но он остался верен России «и... умер со старым светлым именем Пушкина на последнем своем стихе» [6, с. 10].

В своих очерках «Расстрелян Н. Гумилев» и «А. Блок» Иванов показывает нам двух поэтов, объединенных трагической судьбой, но столь различных в своих взглядах о назначении искусства, в темах творчества. В восприятии Иванова Блок и Гумилев – фигуры разной поэтической величины. Если в Гумилеве писателя покоряет романтизм, стремление к преодолению будничности жизни мужественные сильные характеры его героев, то в Блоке он видит вершину поэзии Серебряного века, пророка судьбы России который олицетворял собой недавнее прошлое, страну, разрушенную революцией, но оставшуюся в памяти, ставшую частицей души.

Список литературы:

1. Иванов Вс. Н. С. Расстрелян Н. С. Гумилев // Русский край: лит.-худож. прил. – Владивосток, 1921. – № 144. – С. 2-3.
2. Маслов Г. Кольцо: поэма // Белая лира. Антология поэзии Белого движения. – Смоленск: Русич, 2006. – С. 290-304.
3. Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т. 1. – М.: Худ. лит., 1991. – 592 с.
4. Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т.3. – М. Худ. лит., 1991. – 430 с.
5. Штейн Э. Поэзия русского рассеяния (1920-1977). – М. Изд-во «Ладья», 1978. – 182 с.
6. Иванов Вс. Н. А. Блок. К исполнившемуся 7 августа десятилетию смерти поэта // Рубеж. – Харбин, 1931. – №35. – С. 9-10.
7. Блок А. Собрание сочинений. В 8 т. Т.3. – М.Л.: Гослитиздат, 1960. – 714 с.
8. Иванов Вс. Н. Императрица Фике. Дочь маршала: историч. повести. – М. Худ. лит., 1992. – 541 с.

